

Материалы трех первых конференций были опубликованы¹⁹. Материалы четвертой конференции по ономастике Поволжья находятся в печати.

Обращение к исследованию ономастики Поволжья не случайно. Поволжье как историко-культурный регион, с его своеобразной этнической историей и сложной лингвистической ситуацией, представляет огромный интерес и для этнографов, и для специалистов по ономастике.

Понимание важности и актуальности изучения ономастики народов Средней Азии и Кавказа побудили Группу провести в 1969 г. в Самарканде Межреспубликанский семинар по ономастике²⁰, а в 1971 г. в Махачкале Кавказский ономастический семинар²¹.

В работе Группы ономастики ИЭ АН СССР особое место занимают проблемы, связанные с изучением ономастики Востока (как советского, так и зарубежного). На XI Международном конгрессе по ономастике отмечалось, что в области изучения ономастики Востока Группа ономастики Института этнографии АН СССР стала одним из крупнейших научных центров в мире. Подготовлены находящиеся в печати два сборника — «Ономастика Востока» и «Ономастика Средней Азии».

По инициативе В. А. Никонова, 12 советских ученых-востоковедов выступили на страницах журнала «Народы Азии и Африки» с предложением о созыве Международного конгресса по ономастике Востока²².

Группа теснейшим образом связана с исследователями в области ономастики как в нашей стране, так и за рубежом (в МНР, Болгарии, Румынии, ГДР, Чехословакии и др.).

Учитывая огромный вклад В. А. Никонова в развитие советской и мировой ономастики, Международный комитет ономастических наук при ЮНЕСКО избрал его в 1972 г. своим почетным членом.

Перед группой ономастики стоит много важных еще не решенных задач: дальнейшая разработка вопросов теории и методологии, а также дальнейшее развитие исследований в тех областях науки, которые наиболее тесно связаны с этнографией.

Р. Ш. Джарылгасинова

¹⁹ «Ономастика Поволжья. Материалы I Поволжской конференции по ономастике», Ульяновск, 1969; «Ономастика Поволжья — 2. Материалы II Поволжской конференции по ономастике», Горький, 1971; «Ономастика Поволжья — 3». Материалы III Конференции по ономастике Поволжья», Уфа, 1973.

²⁰ Р. Ш. Джарылгасинова, Межреспубликанский семинар по ономастике, «Сов. этнография», 1969, № 4.

²¹ Дж. Б. Логашова, Кавказский ономастический семинар, «Сов. этнография», 1971, № 6; З. У. Блягоз, Кавказский ономастический семинар, «Филологические науки», М., 1972, № 1.

²² О Международном конгрессе по ономастике Востока, «Народы Азии и Африки», 1972, № 4, стр. 232—233.

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ П. Г. БОГАТЫРЕВА

В Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии секцией фольклора с 1972 г. стали ежегодно проводиться Чтения памяти П. Г. Богатырева. Последнее публичное выступление ученого состоялось в этом научном учреждении на конференции «Историческое развитие народного театра»¹.

Первая серия Чтений прошла в ноябре 1972 г., вторая — в ноябре 1973 г.

Первые Чтения были посвящены теме «Драматические формы народных обрядов». Во вступительном слове В. Е. Гусев (Ленинград) рассказал об откликах на кончину П. Г. Богатырева в советской и зарубежной прессе, уделив особое внимание статьям, опубликованным в Чехословакии — стране, с которой особенно тесно была связана деятельность ученого, являвшегося почетным доктором Пражского и Братиславского университетов. Охарактеризовав вклад П. Г. Богатырева в фольклористику, В. Е. Гусев подчеркнул, что многие проблемы, разрабатывавшиеся ученым, такие как сравнительно-историческое изучение различных видов народной культуры, закон возрастания эстетических функций в обрядовом фольклоре при постепенной утрате им магических функций, различение так называемой «активной» и «пассивной» коллективности в процессе создания фольклорных произведений и т. д. до сих пор сохранили свою ценность.

¹ См.: О. Р. Арановская, Л. М. Излева, Конференция фольклористов в Ленинграде, «Сов. этнография», 1972, № 2.

К. В. Чистов (Ленинград) в докладе «Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера» рассмотрел вопрос о характере так называемой северорусской архаики. Современные выводы ученых о сравнительно позднем формировании северорусской этнической общности дают основание оценить «северорусскую архаику» как фольклорно-этнографический комплекс позднего типа, корни которого нужно искать в XIV—XVII вв., когда он формировался и распространялся на территории позднейшей северорусской историко-этнографической зоны.

Существенный вклад в разрешение вопроса о художественной специфике народной театральной традиции внес доклад В. Ю. Крупянской (Москва) «Композиция народной драмы „Лодка“ в связи с проблемой совмещения в народном театре трагедийного и комического». Подчеркнув сложность изучения поэтики народного драматического искусства, докладчица выделила основные типы композиционного построения «Лодки», отметил характерные особенности каждого типа и то общее, что объединяет все вариации драмы. К основным композиционным приемам относятся механическое сцепление частей пьесы, динамичность ее, прием контрастности, обуславливающий обильное введение комедийных моментов, пародийного повтора, трагикомических фигур.

В. Е. Гусев в докладе «О народной игре в мнимого мертвеца» проследил эволюцию традиционных обрядовых игр (святочных, свадебных, похоронных), сосредоточив внимание на общем для них фарсовом эпизоде отпевания «покойника» (появление в процессии ряженных фигур священника и дякона и связанное с этим пародирование церковной службы). Докладчик проиллюстрировал свои выводы русским, белорусским, украинским материалом, а также привел аналогичные хорватские материалы из архива Загребского института народного искусства (Югославия). Это позволило докладчику расширить сложившиеся представления об ареале бытования фарсовых игр «в отпевание покойника» и выделить четыре очага их бытования у славян: северорусский, приднепровский, карпатский и хорватский.

Б. Н. Путилов (Ленинград) на основе изучения данных по фольклору папуасов Берега Маклая, оставленных великим русским ученым Н. Н. Миклухо-Маклаем, и личных наблюдений, сделанных им во время экспедиции на судне «Дмитрий Менделеев» (1971 г.), высказал некоторые соображения о развитии и судьбе театрализованных форм фольклора у папуасов. Он отметил также, что моменты драматизации и ныне обнаруживаются в похоронном обряде (по сравнению с записями Миклухо-Маклая они выступают теперь в сильно ослабленном виде) и в обряде инициации, который сохранился у папуасов до сих пор.

Доклад Н. И. Савушкиной (Москва) был посвящен театральным элементам в святочном ряжении — мафсовом, широко распространенном развлечении старой русской деревни. Генетически связанное с магическими обрядами, ряжение в процессе развития приобрело новые качества и функции. Для современного его состояния, — говорилось в докладе, — характерно смещение сроков ряжения, появление новых персонажей бытового плана, переосмысление традиционных масок. В то же время приемы ряжения в основном остаются традиционными, в нем существуют свои мастера, знатоки, широко известные в округе.

Сообщение Г. Г. Шаповаловой (Ленинград) «Инсценировки свадебного обряда на сельской клубной сцене» явилось результатом наблюдений докладчицы во время экспедиции 1969—1972 гг. в Калининскую и Костромскую области. Г. Г. Шаповалова различает три вида инсценировок свадебного обряда: в первом — элементы свадебного обряда входят в профессиональное творчество композиторов и драматургов; во втором — свадебный обряд, утративший свою магическую функцию и ставший спектаклем, показывается со сцены и имеет тенденцию перерасти в отдельный номер эстрадной программы без сохранения этнографических особенностей данного региона, в третьем — инсценировка возникает на месте под руководством одной из участниц. В этом случае бережно сохраняются многие региональные особенности свадебного обряда. Исполнители выступают не как артисты, а как мемуаристы, в действии рассказывающие о том, что было пережито ими самими в молодости. Этот вид инсценировок сейчас наиболее ценен для этнографии и его следует всячески поддерживать.

Открывая вторые Чтения, В. Е. Гусев подчеркнул, что их тема — «Функции фольклора» — определена не только научными интересами П. Г. Богатырева, но и актуальностью самой проблемы для современной науки. Долг советских ученых в том, чтобы, не возрождая функциональный метод Малиновского и его последователей, подвергнутый в свое время критике, рассмотреть с позиций марксистско-ленинской методологии сущность и социальную направленность функций народного искусства с учетом современных достижений фольклористики.

В докладе «Полифункциональность фольклора» В. Е. Гусев рассмотрел существующие определения понятия «функция фольклора». Докладчик обратил внимание на недостаточность бифункциональной методики анализа фольклора (соотношение практической и эстетической функций) и предложил математически выраженные формулы множественности, качественной определенности и социальной значимости функций фольклора. В. Е. Гусев охарактеризовал систему и подсистемы функций фольклора (критикуя одновременно понятие «структура функций»), рассмотрел соотношение функции и жанра, обратив внимание на односторонность представления о прямой зависимости жанра от функции. По мнению докладчика, нужно изучать не только систему функций фольклора, но и сам фольклор необходимо рассматривать как систему, функционирующую в определенном обществе. Поэтому изучение функций фольклора может рассмат-

риваться как частный случай социологического (в широком смысле) изучения фольклора, а сам функционально-системный метод — как одна из конкретных методик марксистско-ленинского метода.

Б. Н. Путилов (Ленинград) в докладе «К типологии функциональных связей в фольклоре» говорил о том, что считает неправомерным употребление понятия «функция» лишь в значении «роль текста, лежащая за его пределами». Функции — это определенные типы связей и зависимостей, как внетекстовых, так и текстовых, имеющих внутреннее, структурное значение. Как показал докладчик, функциональные связи в фольклоре — это связи фольклорных структур с внефольклорными. Они отличаются устойчивостью и закономерной обусловленностью, функциональные связи фольклора — это преимущественно его связи с бытом и обрядом, отличающиеся динамичностью. Функциональность фольклора неправомерно рассматривать как набор внеэстетических признаков, равноценных с эстетическими. В ряде случаев функциональные связи представляют собой специфический способ осуществления художественных связей с определенными сферами действительности.

В докладе К. В. Чистова (Ленинград) «К вопросу о теоретическом различии фольклора и литературы», который явился прямым развитием его статьи «Специфика фольклора в свете теории информации»², были высказаны некоторые соображения о принципах дифференциации эстетической и неэстетической информации. Докладчик также выделил основные факторы, формирующие коммуникативную ситуацию в сфере фольклора (осуществление коммуникации в рамках стабильных малых групп, обладающих своей традицией и сходным социальным и эстетическим опытом, возможность смены ролей «исполнителей» и «слушателей», варьирование структуры исполнителя — соло, хор, исполнитель, творец, проза, поэзия и т. д. — и самого коммуникативного акта, наличие сильных и сверхсильных внетекстовых связей и т. п.).

Выступление О. Р. Арановской (Ленинград) было посвящено выяснению функций мифа в древнегреческой трагедии. Как известно, она черпает сюжеты из мифического прошлого, причем мифологическая направленность трагедии углубляется по мере развития жанра. Как отмечалось в докладе, информация, исходящая от автора трагедии, была рассчитана на истинное «допонимание» и довершение со стороны слушателей, которым отводилась активная не пассивная роль в процессе творчества. Соотношение индивидуального и коллективного элементов греческой трагедии построено по принципу дополнительности, поэтому представляется совершенно невозможным понять древнегреческого автора вне фольклорной традиции.

В докладе В. В. Сенкевич-Гудковой (Петрозаводск) «Народный этикет в саамской песне — йойче» были описаны наиболее употребительные случаи замены в саамской песенной лирике непристойных слов, выражений, названий людских пороков эвфемистическими метафорами, загадками, даже комической мелодией. Докладчица особо обратила внимание на соединение инсказательной и магической функций в песнях девушек, мечтающих о замужестве.

И. И. Земцовский (Ленинград) в докладе «Функции песни и проблемы музыкального формообразования» говорил о том, что с социальными функциями песни связаны не отдельные конкретные музыкальные формы, а стилевые закономерности формообразования. Однако в форме, как и в содержании, не все связано с функцией, да и связи бывают различные: реже непосредственные, чаще опосредованные (имеются в виду лишь функции, реализованные в художественной структуре). Автор различает функции моно- и полиморфные и приводит примеры полиморфности функций и полифункциональности форм.

Р. И. Беккер (Ленинград) в докладе «Сцена „Мнимый барин“ в русском фольклоре» поделилась мыслями о функциях и формах бытования этой сцены, исполнявшейся самостоятельно или в контаминации с народными драмами «Лодка» и «Царь Максимилиан».

В докладе Г. А. Левинтона (Ленинград) «Функции словесных текстов в свадебном обряде» словесные тексты свадебного обряда (преимущественно песенные) рассматривались с точки зрения системы функций всякого речевого коммуникативного акта (по модели Р. Якобсона). Демонстрировалась специфика реализации основных функций в обряде (по сравнению с обычным речевым актом). Основное внимание докладчик уделил функциональной трактовке некоторых особенностей связи значения песни с обрядом и особенно при переходе из одного контекста в другой.

Функциональности свадебных напевов-формул был посвящен доклад В. А. Лапина (Ленинград). Функциональность определялась им через значение формульных напевов в традиционном свадебном обряде поморов. Автор исходил из того, что напев-формула выделяет наиболее важные свадебные персонажи из общего ряда лиц — участников свадьбы.

Чтения закончились плодотворной дискуссией, подтвердившей актуальность затронутых вопросов и наметившей дальнейшие пути и аспекты изучения функций фольклора.

А. Ф. Некрылова

² См. «Вопросы философии», 1972, № 6.